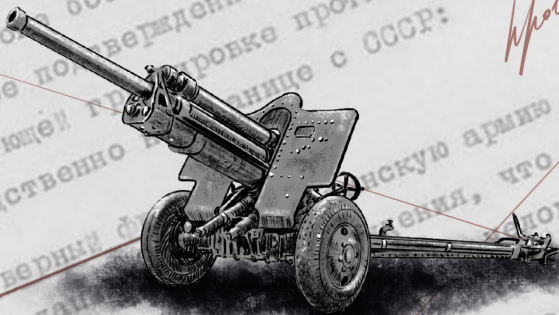

ГВАРДИЯ В ОГНЕ НЕ ГОРИТ!

ПОПАДАНЕЦ
В КРАСНУЮ АРМИЮ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

Гвардия в огне не горит!

Серия «Гвардия», книга 2

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28081312

Гвардия в огне не горит! / Юрий Корчевский: Яуза, Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-222-39161-7

Аннотация

Продолжение боевых действий Ильи Миронова, лейтенанта Росгвардии, попавшего на Великую Отечественную войну.

После ранения и госпиталя он вновь попадает в разведку и оказывается на самом опасном участке фронта – Курской дуге. Тяжелые дни немецкого наступления, а потом как распрямившаяся пружина – контрнаступление Красной Армии. Каждый уничтоженный гвардейцем враг – маленький шаг к общей победе!

Гвардия в огне не горит!

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрий Корчевский

Гвардия в огне не горит!

© Корчевский Ю. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

«Годен к нестроевой»

Половину зимы Илья провёл в госпитале в Москве. Перелом костей левой голени, перелом двух рёбер. Обвалившись при взрыве мины брёвна блиндажа здорово покалечили. Но и это везение: из всего блиндажа только двое выжили, остальные в братской могиле. В госпитале раненые, обожжённые, только двое хоть и на фронте заработали проблемы, но, по всему, не боевые. У Ильи переломы, ещё у одного бойца – воспаление лёгких. Он сапёр, и почти всем взводом возводили деревянный мост: пришлось в холодной воде по грудь стоять. Ходячие раненые в столовой про обстоятельства ранений рассказывали, а Илья молчал. В госпитале хорошо – тепло, кормят три раза, бельё белое на кроватях, от которого на фронте отвыкли. Весна началась: в землянках и окопах сыро, обмундирование влажное, просушиться негде. У бойцов от сырости и холода чирьи по телу, кашель. Дороги развозить начало. Днём плюс и тает, ночью подмораживает – тогда к передовой можно снаряды и продовольствие подвезти. Хуже всего с авиацией. У немцев взлётные и рулётные полосы железными перфорированными листами выложены, и, несмотря на слякоть, немецкая авиация летает. А наши на приколе, по ночам только лёгкие бомбардировщики У-2

немцам спать не дают.

Через три недели госпитальной жизни, после передовой похожие на санаторный отдых, врачебная комиссия определила, кого выписать, кого оставить на долечивание. Нога у Ильи болела, ходил он прихрамывая и чётко понимал – в строевой части, особенно в разведке, ему пока не место. Случись марш-бросок или разведпоиск, когда за ночь приходится не один десяток километров проходить, да не по ровному асфальту, он обузой будет, не выдержит темпа. Но и в госпитале лежать уже сил не было. Постоянные стоны раненых или смерть безнадежных, особенно обожжённых танкистов, укреплению психики не содействовали.

Комиссия признала его годным к нестроевой службе в военное время с переосвидетельствованием через год, о чём Илья получил справку.

Грузовик перевёз выздоравливающих в запасной полк. Были и другие, демобилизованные по ранению. Те сами добивались до железнодорожных вокзалов, ехали домой. Это кому везло и родной дом не был на оккупированной территории.

В запасном пехотном полку Илья пробыл один день. На следующий день после прибытия приехали «покупатели», как образно называли представителей воинских частей. В первую очередь забирали годных к строевой службе, технически подкованных – танкистов, артиллеристов, связистов, сапёров. Осталась в строю едва ли не четверть бойцов, год-

ных к нестроевой. Такие в армии тоже нужны. Водители, ездовые, поскольку на конной тяге в первые годы войны передвигались многие подразделения. А ещё повара, парикмахеры, портные, фотографы, ремонтники и даже караульная служба в ближнем тылу. Илья для себя решил податьсь в шофера. С его ногами пока марш осуществлять затруднительно. С любой машиной или трактором обращаться умел, имел права, но всё осталось там, в другой жизни. А в этой никто права не спрашивал. В механики-водители танков брали трактористов: короткий курс по материальной части, несколько уроков вождения – и в бой. Да и водили в своём тылу устаревшие, как правило, прошедшие ремонт после подбития танки БТ-5, БТ-7.

На фронте же их качества, которые ценились до войны – быстроходность, способность идти по шоссе на колёсах, – негодились. На войне нужны другие качества – толстая броня и мощная пушка.

До войны машин и мотоциклов что в армии, что в народном хозяйстве было мало. С началом войны производство их стало расти, на примере немцев убедились, что моторизованная армия имеет преимущество в мобильности. А ещё авто- и бронетехника пошла по ленд-лизу, водителей же случилась нехватка.

Потому, когда очередной «покупатель» выкрикнул:
– Шофера есть? – Шагнули вперёд только двое. После ознакомления документов лейтенант подвёл их к полуторке,

крытой брезентовым тентом.

– Садитесь, сейчас ещё в один запасной полк заедем.

И в этом полку нашёлся только один водитель. Поехали к Коломне, где формировался отдельный противотанковый дивизион. Один из бойцов, сидевший в кузове, как услышал про противотанкистов, расстроился:

– В мясорубке был, да видно, удача совсем от меня отвернулась. Знаешь, браток, как их в армии называют? «Прощай, Родина!» Потому что расчёты в бою успевают только несколько выстрелов сделать. А хуже всего, есть приказ самого товарища Сталина – из госпиталей противотанкистов только в свои части возвращать!

– Ты бы язык прикусил, – посоветовал другой боец. – Дойдут твои разговоры до особиста, в лагерь угодишь.

Штрафные роты и батальоны будут созданы позже, через четыре месяца. Служить придётся в автомобильной роте. На марше грузовики пушки буксируют, а как артиллеристы позиции займут, подвозят боеприпасы. Илье досталась потрёпанная полуторка довоенного производства, с полукруглыми штампованными передними крыльями и двумя фарами. Для экономии материалов и станкочасов автозавод в Горьком перешёл на крылья гнутые, и ставили одну фару, на водительскую сторону. С началом войны многие автомобили и трактора были мобилизованы в действующую армию. В тылу остались либо совсем «убитые», либо редкие, к которым запчасти найти сложно. Полуторка – машина неприхотливая,

но маломощная. Шофера больше уважали грузовики ЗИС-5, прозванные «Захарами». Надёжны, грузоподъёмность три с половиной тонны, а ещё хорошая проходимость по грязи. Немцы сначала презрительно смотрели на наши машины, но после осенней распутицы и зимы 1941/42 года мнение своё изменили и «Захарами» охотно пользовались.

Илья, принимая машину, проверил ходовую часть, двигатель. Дымил движок, предвещая скорый ремонт. Через три дня дивизион был выдвинут на фронт. К полуторке Ильи прицепили пушку – «сорокапятку», в кузов погрузили несколько ящиков снарядов, забрались бойцы. Во главе колонны шёл броневедомитель БА-10, за ним М-1 командира дивизиона, а потом машины с пушками на прицепе, тентованные грузовики с военным имуществом, замыкали колонну грузовики начпрод. Два везли полевые кухни и поваров, ещё один – провизию: макароны, крупы, консервы, соль. За машинами ехали два мотоцикла с колясками, в них механики. Если на марше какая-то машина встанет из-за поломки, механики своими силами попробуют её отремонтировать. У немцев для таких целей в составе колонн были тягачи и полевые мастерские. Позже они появились в РККА.

Колонна шла на юг. На коротких привалах бойцы обменивались впечатлениями.

– Под Тулой оборону займём.

– А ты сводки Совинформбюро слушал? Ожесточённые бои на харьковском направлении!

Конечную цель марша знал только командир дивизиона. Илья полагал так. Если бы противотанкистов на самом деле направляли под Харьков, использовали бы железнодорожный транспорт. Получилось бы быстрее и экономнее. Так и вышло. Дивизион занял позицию между Тулой и Орлом.

Если в сорок первом году немцы рвались к Москве, окружили Ленинград, два самых больших города, то в сорок втором году сменили направление ударов. Осознав, что блицкрига не будет, война продлится долго и её исход будут решать ресурсы – людские, материальные и прочие, немцы двинули войска на восток, к Сталинграду, и на юг. На восток – там захватывали поля, на которых выращивали хлеб, а с выходом к Волге немцы могли отрезать подвоз нефти и нефтепродуктов от промыслов Азербайджана и Чечни. Башкирской нефти добывали мало, а в Сибири месторождения ещё не были разведаны.

Второе направление удара – на юг – давало возможность немцам захватить нефтяные промыслы. Немцы всегда испытывали нужду в бензине и моторных маслах. Румынская нефть с месторождений Плоешти шла на переработку, и бензином этим заправлялись авиация и танковые войска. Весь автотранспорт работал на синтетическом бензине, производимом из угля Силезии. Без нефти не работает техника, а немецкая армия была моторизована, нефть – это топка для горнила войны. Кроме того, прорыв в Чечню, Дагестан и даже Азербайджан позволял немцам развивать наступление к

нефтеносным районам Ирана, Сирии, захватив эти районы, немцы могли двинуть армию в Индию, насолив англичанам. Колония богатая, и англичане не смогут её защитить. Планы у фюрера были грандиозные – мешал Советский Союз.

Прибыв на место, стали разворачиваться. Оборону занимал пехотный полк, противотанковые пушки ставили на танкоопасных направлениях. Получилось более чем скромно. Илья, имевший за плечами знания военного училища и боевой опыт боёв с немцами, сразу понял. Если немцы бросят на прорыв десятка два-три танков, позиции не удержать. Немцы силы не распыляли, концентрировали на узком участке, после артподготовки или авианалёта выдвигали бронированный кулак, проламывали на участке оборону Красной армии, прорыв расширяли пехота и самоходки, танки рвались вперёд. Опасаясь окружения, наши начинали отходить. Подобный сценарий повторялся десятки и сотни раз. Справиться с ним можно было бы, значительно насытив войска пушками. В сорок втором не получилось. После потерь бывших территорий, после эвакуации сотен и тысяч заводов производство не восстановили, а Красная армия требовала патронов, пушек, танков, бензина, продовольствия. На случай войны создаются базы, где хранится мобилизационный резерв. Но рассчитывается он, исходя из военной доктрины. Товарищ Сталин сказал – воевать будем на чужой территории и малой кровью. Недоучки типа Будённого и Ворошилова клич подхватили. Запасов создали мало, склады придвинули к грани-

цам. В итоге резервы большей частью попали в виде трофеев немцам. Некоторые действия объяснить вообще невозможно. На линии «старой границы» создали укрепрайоны, соединив в линию Сталина. После подписания пакта Молотова – Риббентропа границы сдвинулись западнее, где на сто, а где и на триста километров. Вооружение: пушки, пулемёты, боезапас – из укрепрайонов сняли, а новую границу обустроить не успели.

За ошибки и заблуждения командования расплачивались своими жизнями бойцы. Сорок второй год выдался самым тяжёлым, когда и верили в грядущую победу, и всерьёз опасались поражения. Немцы к осени дошли до Волги, а на юге – до Кавказа.

Нехватка вооружения, боеприпасов усугублялась армейской структурой. Любая армия мира предполагает единоначалие. В Красной армии за командирами приглядывали представители компартии в виде политруков и комиссаров. Они военного образования не имели, но могли отменить любой приказ командира, руководствуясь «классовым чутьём». Один из ярких примеров – Лев Мехлис, с подачи которого был расстрелян не один толковый командир. Всё же ошибку осознали, ввели единоначалие, а политруки стали называться заместителями командира по политической части, замполитами.

Пушки расположили сразу за траншеями пехоты, замаскировали, причём топорно, ветками, на которых едва-едва

стали проклёвываться из почек листочки. Немцы маскировали свою технику маскировочными сетями, причём разной окраски: осенью – жёлтой, летом – зелёной. В РККА маскировочные сети были, но в исчезающе малых количествах, а зря. Цена копеечная, а позволяют сберечь остро необходимую боевую технику.

В первые два года войны немцы однозначно лучше были оснащены, каждая мелочь продумана. Наши бойцы завидовали, но молча, иначе сразу припишут «неверие в отечественное оружие». Что злило и раздражало лично Илью, так это насыщенность немецких войск техникой и снабжение боеприпасами. По ночам часовые из траншей пускали осветительные ракеты на нейтралку и постреливали из пулемётов. А наши комбаты внушали командирам орудий:

– Один снаряд в день, лимит!

Машину Илья загнал в небольшую лощину, срезал ножом вечнозелёные ветки елей. Для маскировки лучше нет. Срезанные ветки долго не желтеют, в отличие от лиственных, не демаскируют. Посмотрел со стороны – неплохо. Прошёл к пушке. Бойцы уже капонир успели отрыть, командир орудия прикидывал ориентиры. Вещь при стрельбе необходимая. К примеру, вражеский танк вышел к двум ёлочкам, а командир уже знает, что дистанция до них – триста пятьдесят метров, команду наводчику даёт. В горячке боя кто сможет определить дистанцию точно? Такие же стрелковые карточки заводили пулемётчики, снайперы. Илья в пехотную траншею

прошёл, а там солдатики молодые, необстрелянные. Спросил командира взвода, младшего лейтенанта:

– Товарищ командир! А что за части немцев перед нами?

– Да кто его знает? Вчера прибыли, только окопы успели отрыть. А есть ли немцы перед нами, не знаю.

Вот тебе на! Если вчера прибыли, почему ночью разведку не выслали? Противника надо знать, чтобы ловчее бить. Спать отправился в машину, на земле спать ещё прохладно, не прогрелась. Бойцы-пехотинцы уже пару землянок вырыли, перекрыли в два наката брёвнами. Илья по опыту знал – мал накат, даже мина пробьёт. Слоёв семь-восемь делать надо, тогда надёжно, если гаубичный снаряд не угодит. Илья устроился в кузове, под брезентом. В кабине на сиденье мягче, но кабина маленькая, сидеть можно вдвоём, а лежать – с сильно согнутыми ногами, затекают. Ночью на немецкой стороне слышны были звуки моторов, лязг гусениц. Далеко, с километр, ночью звуки далеко слышны, но оптимизма это не внушало.

Утром пехотные траншеи обстреляли из миномётов, как определил Илья, калибр не меньше ста двадцати. Били не прицельно, скорее всего, прощупывали. Отзовётся русский пулемётчик или пушка выстрелит, немцы засекут. У них для этих целей в передовых траншеях есть артиллерийский разведчик, а ещё авиационный наводчик, оба с рациями, предмет зависти наших командиров. Рации – это мобильность, быстрота. А телефонный провод перебило осколком – и всё,

связи нет.

Утром Илья местность за траншеями пехоты не узнал. Далеко впереди появились проволочные заграждения, виднелись брустверы со свежей землёй. Немцы заняли позиции, наверняка сегодня ночью разведку пустят. Удвоить бы часовых. Илья колебался – стоит ли идти к командиру пехотного взвода? Да кто он такой? Старшина, шофёр артиллерийского дивизиона. Младший лейтенант может послать куда подальше, и будет прав. Откуда командиру взвода знать тактику немцев, когда он пороху не нюхал? У таких обычно сомнение на высоте, да ещё и в училище вбили, что Красная армия всех сильнее. Если так, почему отступаем?

Командир батареи приказал шоферам ехать на базу боепитания за снарядами. Вместе с Ильёй поехали ещё две машины. А на складе шофера и кладовщики столпились у столба, где репродуктор висел, слушают сводку Совинформбюро. Пока подошли, Левитан закончил, Илья спросил:

– Что передавали?

– Под Харьковом немцы наступают, наши ведут тяжёлые оборонительные бои.

Видимо, положение скверное. Получили по документам со склада ящики, выехали в обратный путь. Илья периодически в окно двери высовывался, за небом смотрел. Беспечных и неосторожных немцы быстро выбивали. Смотреть не только на дорогу надо, но и вверх. Неожиданно справа, параллельно дороге, – фонтанчики пушечных разрывов. Илья сра-

зу по тормозам, двигатель заглушил и из кабины бросился. В этот момент его накрыл рёв мотора. Сзади догнал и низко пролетел «мессер». Следом второй. Машина – цель крупная, да ещё снаряды в ней. Илья отбежал подальше, в воронку упал, вверх смотрит. А «мессеры» развернулись и с пике из пулемётов по маленькой колонне ударили. Длинные следы от трассирующих пуль от самолётов к машинам потянулись. Потом частый железный стук. Самолёты пронеслись и скрылись. На этот раз повезло. Самолёты сзади налетели, за работой моторов их неслышно было, да из кабины задний сектор не просматривается. Никого из шоферов не убило, машины не сгорели и не взорвались – уже удача. Правда, изрешечены сильно. Поменяли дружно пробитые пулями колёса на одной из машин, на другой заменили пробитую трубку системы охлаждения, долили в радиатор воды. Кабины в дырках – на задней стенке, на лобовом стекле. Всё отремонтировать можно. Тронулись к позициям дивизиона. Илья укрыл грузовик в ложбине, бойцы из кузова носили ящики к орудиям. Можно было бы и подъехать, но тогда грузовик представлял бы собой отличную мишень для немецких артиллеристов, да и капониры пушек были бы обнаружены.

У немцев распорядок соблюдался. В восемь утра завтрак, потом уже методичный обстрел – из пулемётов и миномётов переднего края. В глубине пушки есть, но они молчат. Артиллерийские разведчики ещё цели не выявили.

Шофера снова в тыл, на этот раз за провизией для кухни.

Одного хлеба дивизион за день съедал грузовик. Доставляли его из полевой хлебопекарни, работавшей день и ночь, поскольку снабжались все воинские части в округе. Пекли только ржаной хлеб, пшеничный получали только лётчики и высший комсостав. Илья как раз хлебом загрузился. Тёплый ещё, в мешках, пахнет восхитительно, аж слюни текут. Ехал одиночной машиной, на пассажирском сиденье начпрод дивизиона с бумагами восседает. Ещё не подъехали до передовой пару километров, как пушечную пальбу услышали. Начпрод сразу насторожился.

– А ну стой!

Илья остановил грузовик. Начпрод дверцу открыл, встал на подножке. Илья тоже выбрался из кабины. Гроыхало сильно, потом поблизости упал и взорвался шальной снаряд.

– Давай в укрытие, старшина, – приказал начпрод.

Он капитан, ему подчиняться надо. Илья грузовик под деревья загнал. Защита слабая, листьев ещё нет, и весь чахлый лес проглядывается хорошо. С самолёта укрытие как на ладони, но и «рамы» не видно.

Начпрод уселся на подножке кабины, закурил папиросу. На войне у каждого своя работа. Расчёты огонь ведут, а дело начпрода – накормить личный состав. Капитан явно хотел переждать стрельбу. А она не стихала, по ощущениям Ильи, звуки даже ближе стали, звучали громче. Каждый фронтовик по звуку разрыва уже сказать может, из чего стреляли. Вот и Илья определил. Сначала миномёты били, потом 105-

мм пушки – гаубицы немецкие. А теперь, похоже, танковые пушки, у них звук выстрела другой. По всему выходит, после короткой артподготовки немцы в атаку пошли, двинули танки. Про танки и атаку Илья начпроду сказал.

– Как – танки? – вскочил капитан. – А хлеб куда?

– Если парни отобьют атаку, пригодится хлебушек – съедят. А прорвутся танки... – Илья рукой махнул. Танков и окружения в войсках боялись. Вот и начпрод обеспокоился.

– Ты бы машину развернул на всякий случай.

– Если танки прорвутся – не поможет, из пушек расстреляют. Посмотреть надо, что творится.

Илья намеревался пешком до передовой дойти.

– Твоё место у машины! – сказал начпрод. – Запрещаю покидать.

С одной стороны – так, а с другой – узнать бы, как бой складывается. Из оружия только карабин, закреплённый за сиденьем в кабине, да револьвер у капитана. Против танков – беспомощное оружие. Илья карабин из кабины вытащил, затвор передёрнул, поставил на предохранитель. Полчаса минуло, мимо рощи потянулись раненые бойцы, кто ходить в состоянии был. Некоторые подходили к машине, просили закурить, капитан давал папиросы, интересовался:

– Как там?

Один из бойцов зло ответил:

– А ты сунь нос к траншее, сам посмотри.

– Боец! Как разговариваешь со старшим по званию?!

Боец только рукой махнул и побрёл дальше.

– Хорошо! Старшина, сходи к передовой, узнай.

– Не лучше ли проехать? Всё равно бойцам хлеб доставить надо.

Капитан колебался.

– Ладно, поехали. Но если что – сразу разворачивайся!

Как же, развернёшься, если немцы прорвутся. Всадят снаряд из пушки, выскочить не успеешь. Но всё же доехал Илья до ложбины. В этом месте со стороны немцев машина не видна, сам проверял. Выстрелы грохочут, пулемётная стрельба. Схватив карабин, пригнувшись, побежал к капониру. «Сорокапятка» выстрелила, через несколько секунд рядом с позицией рванула мина. Илью взрывной волной отбросило. Отплеваясь от земли, глаза протёр, на нейтралку посмотрел. Шесть танков, основные тогда Т-III, горят, ещё столько же маневрируют, ведут огонь. Один из танков прямо на капонир идёт, а пушкари молчат. Илья пополз как мог быстро. Пушка цела, а все номера расчёта убиты миной. Илья затвор пушки открыл, снаряд уже в казённике. Затвор закрыл, через окно в щите вперёд посмотрел. До танка от силы сто метров. Хорошо видны блестящие траки, лобовой пулемёт огонь по траншее ведёт. Илья к прицелу приник, маховички подводки крутит. В прицеле крупно смотровая щель механика-водителя. Нажал кнопку спуска, пушка подпрыгнула от выстрела.

– Получи, гад!

На такой дистанции пушка пробила броню. Танк замер,

из него повалил дым. Люк в башне откинулся, показался танкист. С нашей стороны тут же ударил ручной пулемёт, и танкист свесился из люка – убит. Танкистов наши пехотинцы ненавидели, шансов уйти из подбитой машины у немцев было немного. Ещё один танк прорвался на позиции пехоты, даже успел покрутиться по траншее, обрушиться. И вдруг вспыхнул. Илья пушечных выстрелов или взрыва противотанковой гранаты не слышал, видимо, кто-то из пехотинцев подобрался и бросил бутылку с «коктейлем Молотова», как называли горючий состав. Танкисты стали покидать горящую машину и тут же попадали убитыми.

Оставшиеся на поле боя четыре танка судьбу искушать не стали, начали пятиться и ушли, вместе с ними и немецкая пехота. Их пехота без поддержки танков или самоходок в атаку не ходила, потому потеря имела меньше, чем наши.

Атака захлебнулась, наступила тишина. Илья точно знал, что немцы сейчас или начнут артиллерийский налёт, или вызовут авиацию. Во время боя позиции пушек и пулемётные гнёзда установлены. Запасные капониры артиллеристы вырыть не успели. Да и видно их с самолёта, если маскировочной сети нет.

Однако, к удивлению Ильи, немцы обстреливать или бомбить не стали, видимо, сочли, что скоро начнёт темнеть и повторить атаку после налёта не удастся.

Илья собирался идти к командиру батареи, доложить, что расчёт убит. А комбат сам навстречу идёт.

– Товарищ лейтенант, разрешите доложить? Расчёт третьего орудия убит, геройски погиб.

– А пушка?

– Целёхонька, вмятины от осколков есть, даже прицел не разбит.

– Откуда знаешь, старшина?

– Стрелял в танк.

– Хм, ты же шофёр?

– Годен к нестроевой в военное время, а раньше приходилось.

– Жаль, я бы тебя командиром орудия назначил. Людей нет, два расчёта полностью погибли, ещё в одном заряжающего убило, в другом подносчика. Ладно, подносчика или заряжающего найти несложно. С наводчиками беда. Машина-то цела?

– Товарищ лейтенант, забыл совсем! В машине хлеб с хлебопекарни! Раздать батареям бы надо, пока не зачерствел и осколками не посекло.

– Начпрод в курсе?

– Так я с ним приехал.

– А где он? Я не видел. Веди к машине.

Грузовик стоял целёхонек, начпрода нигде не было. Комбат брезент откинул, взял ржаной кирпич, вцепился зубами, прожевал.

– За весь день хлебной крошки во рту не было, немцы поесть не дали. Старшина, ты машину постереги, я бойцов за

хлебом подошло. И с кухни подносчиков нет. Ну я их вздую!

Подносчики с кухни в больших армейских термосах разносили пищу – суп, кашу, чай. Только в боевых условиях получалось не всегда. А после боя всем желающим добавку давали, погибшие-то ещё утром в списках батарей и дивизиона значились. Комбат не забыл: через полчаса подошли три бойца, часть хлеба забрали в сидорах. Ещё через четверть часа пожаловал начпрод с солдатами, унесли в бязевых мешках остальной хлеб. Илья оставил в кабине буханку. Когда темнеть начало, устроился в кузове, доел хлеб. Всё лучше, чем пустое брюхо. Вечером подносчиков ждал, они так и не пришли. Ночью совсем рядом вспыхнула стрельба. Илья вскочил, схватил карабин, кинулся к капониру с пушкой. Убитых уже не было. Либо батарейцы забрали, либо похоронная команда. Были такие на фронте, формировались из годных к нестроевой службе. Тягостная служба, но необходимая. Сколько неупокоенных на полях сражений так и остались в военное время и после. У немцев с этим чётко. Правда, пока немцы до сорок третьего года, до Курской дуги, гнали Красную армию, похоронить павших иной раз никакой возможности не было. Немцы хоронили только своих убитых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.